

цевъ!—ворчалъ старый джентльменъ, усьвнись на мѣсто и напоминай собой Понча.

— Нѣтъ, но выслушайте меня,—вмѣшался Маркъ,—увѣряю васъ, что этотъ мальчикъ...

— Знаю, что вы мнѣ скажете, что онъ образцовый ученикъ, конечно! Удивительно, какая пропасть образцовыхъ учениковъ врываются ко мнѣ по какимъ-то непреодолимымъ побужденіямъ послѣ классовъ. Я хочу положить этому конецъ, благо одинъ изъ нихъ попался. Вы ихъ не знаете такъ хорошо, какъ я, сэръ; они всѣ нахалы и лгуны, только одни умнѣе другихъ, вотъ и все.

— Боюсь, что вы правы,—замѣтилъ Маркъ, которому не хотѣлось, чтобы его считали неопытнымъ.

— Да, жестокая вещь имѣть дѣло съ мальчишками, сэръ, жестокая и неблагодарная. Если мнѣ случится когда-нибудь поощрять мальчика въ моемъ классѣ, который, по моему мнѣнію, старателенъ и прилеженъ, то, какъ вы думаете, чѣмъ онъ отблагодаритъ меня? Сейчасъ же сыграетъ со мной какую-нибудь скверную штуку, только затѣмъ, чтобы доказать другимъ, что онъ ко мнѣ не поддѣляется. И тогда всѣ они принимаются оскорблять меня... да что, этотъ самый мальчикъ сколько разъ кричалъ мнѣ сквозь замочную скважину: „Улитка“.

— Я думаю, что вы ошибаетесь,—успокаивалъ Маркъ.

— Вы думаете? Хорошо, я спрошу у него самого. Слушайте: сколько разъ вы кричали мнѣ „Улитка“, или другіе ругательные эпитеты, сквозь дверь, сэръ?

И онъ наклонилъ ухо, чтобы выслушать отвѣтъ, не спуская глазъ съ мальчика.

— Я никогда не кричалъ „Улитка“, только одинъ разъ я закричалъ „Креветка“. Это было ужъ очень давно.

Маркъ мысленно пожалъ плечами, не безъ презрѣнія къ такой несвоевременной откровенности.

— Ого!—произнесъ м-ръ Шельфордъ, беря мальчика потишнѣе за ухо.—Креветка? эге! Креветка, слышите вы это, Ашбернъ? Быть можетъ, вы будете такъ добры, объясните мнѣ, почему вы зовете меня „Креветкой“?

Для человѣка, который видѣлъ его красное лицо и вытаращенные глаза, причина была ясна, но, должно быть, Лангтовъ сообразилъ, что для откровенности есть границы и что на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить, не подумавши.

— Потому что... потому что другіе васъ такъ называли,—отвѣчалъ онъ.

— Ахъ! а почему же другіе меня называютъ „Креветка“?